

Индоевропейские названия времен года

(опубликовано в: Календарно-хронологическая культура и проблемы её изучения. К 870-летию "Учения" Кирика Новгородца. Материалы научной конференции. М.: РГГУ, 2006. С. 64-70)

В недавно напечатанной статье о тохарских названиях злаков (Ivanov 2003, там же литература вопроса) автор высказывает предположение об этимологии тохарск. Б *ysāre* “пшеница”, А *wsār* “куча зерна”, развивающее предложенное ранее К.Шмидтом сближение этих слов с латышск. . *vasariņi* “поле с летними злаками” и *vasaras laiks* “время сбора урожая летних злаков”. Можно привести аналогичные литовские формы *vasar-kvietis* “овес весеннего посева, яровой”, *vasar-ūg-is* “весенний росток” (В.Н.Топоров указал на сходные по смыслу древнепрусские образования от другой основы). Такова же внутренняя форма русск. *яровой*, др.-русск. *ярь* “зерновые злаки, которые сеют весной”, *яр-а* «весна», чешск. *jaro*, родственное англ. *year*, нем. *Jahr*, готск. *jer* “год”, лат. *hōrnus* < **ho-yōr-i-nus*- “годовой”, др.-греч. *ώρα* “время, время года, год”, клинописное лувийское *āra/i*, иероглифическое лувийское *a+ra /i* “время” (значения, связанные в словах этого корня с растительностью и с обозначением весны, могут наследоваться от ностратического времени, когда исходное **nVyrV*, отраженное в индоевропейском, алтайском, уральском и картвельском, предположительно значило «молодой», Иллич-Свитыч 1967, с. 349; 1976, с. 83-84).

Тох. А *wsār*, Б *ysāre* принадлежат к числу древних гетероклитических имен существительных, сохранивших в тохарском только основу им.-вин. пад. ед.ч. на *-r*; они соответствуют др.-греч. *έαρ* “весна”, авестийск. *vahr-i*, др.-армянск. *gar-un* “весна”, литовск. *vasarà* “лето”, лат. *uēr* “весна”, др.-исл. *vár*. В тохарском не сохранились следы косвенных падежей с основой *-n*- типа др.-инд. *vas-an-t-a-*, о.-слав. **ves-n-a* “весна”.

Предистория индоевропейского и «индо-хеттского» названия весны разъясняется благодаря сопоставлению его с хет. *hameš ha-nt-* “весна и раннее лето”, впервые намеченному Куриловичем и Гётце. Предполагается, что хеттское слово восходит к словосложению **-hant-weš ha-n-t-* «период перед началом лета» (с цепочкой трансформаций вида **hantweš hant->*hanweš hant->*ha(l)mw š hant-> ha(m)meš hant-*, соответствующих исторической фонетике хеттского языка), ср. ту же внутреннюю форму у итальянск. *prima-vera*, сербо-хорватск. *pro-ljeće*. Ян Пухвель предположил, что первоначальная форма им.-вин. пад. ед.ч. **weš har* сохранилась в сложном слове *šuppi-waš har* (^{SAR}) с исходным значением “чистое весеннее растение” (Puhvel 1991, pp. 74-75; Riecken 1999, pp. 311-314) перевод

“священное весеннее растение” тоже возможен, поскольку в ритуальном тексте шкурки лука используются в духе аналогической магии, Hoffner 1974, pp. 108-109. Соответствующая гетероклитическая основа на *-n-* засвидетельствована в др.-хеттском словосложении *šuppi-waš ha-n-alli-* “связка луковиц”. Кажется поэтому возможным, что «индо-хеттское» название весны имело ботанический сельскохозяйственный смысл, частично сохраненный в тохарском и в хеттском (в двух группах, рано отделившихся от индо-хеттского праязыка). С.А. Старостин наизусть до своей безвременной смерти обнаружил подтверждение этой гипотезы в уральском, где соответствующая основа еще означает растение: в этом значении слово является индо-уральским и может быть восстановлено для праиндоевропейского диалекта, к которому восходят праиндоевропейский и прауральский. Принимая мою гипотезу о значении индоевропейского слова, отраженного в хеттском и тохарском, Старостин реконструировал ностратическое (евразийское): **wVšV* в значении «ранние овощи, злаки», к которому возводил, с одной стороны, индоевропейское **wes-(er/n-)*, с другой, уральск. **wešnā* “a kind of cereal: spelt, wheat; : eine Art Getreide: Spelt, Dinkel, Weizen”, откуда фин. и карел. *vehnä* 'Weizen', мордовск. *viš*, *višä* 'Spelt', марийск. *wišt-*, *wiste*, *wište* 'Spelt, Dinkel', 'Spelt' (ностратический и уральский сайт Старостина, starling@rinet.ru, уральская этимология № 1729). Замечу, что связь с домашними растениями позволяет датировать этимологию археологически: общеностратический возраст здесь маловероятен.

Судя по хеттским текстам, период, обозначаемый как *hamešha-nt-*, означал «весну/лето» с апреля по май. Хеттская (вероятно унаследованная от праязыковой индоевропейской, Гамкрелидзе-Иванов 1984, т.2) архаичная трехчленная оппозиция «весна/раннее лето»- «осень»-«зима» *hameš ha-nt- – zen-ant- gim-ant-* соответствует сохраненной в нескольких других диалектах системе: др.-греч. *ἔαρ – ὀπώρα* (<**op-osar-* “после лета”, см. подробнее о значении этого словосложения ниже) – *χειμών*; др.-армянск. *garun- ašun – jmern*, о.-слав. **vesna- *jeseni- *zima*. В восточно-балтийском первый элемент получил значение «лето» (лит. *vasarà* “лето”, латыш. *vasara*; ср. аналогию этому семантическому развитию в испанск. *verana* “лето” из вульгарно-латинского названия “весны”) и новое название «весны» было от него образовано по той модели, которая выше предложена для хеттского слова: литовск. *pavāsarīs*, латыш. *pavasaris*. Из поэмы Донелайтиса “*Metai*” (“Времена года”) выясняется, что в литовском языке XV III в. оба названия могли употребляться в сходном или тождественном значении: говоря о *Pavasario liksmybės* (“Радостях Весны”), поэт использует *vasarą* “лето” (вин. пад.ед.ч.) в значении “весна” (ср. польский перевод: Donelaitis 1982, p. 5) как антоним *žiemą* “зима” (*Metai*, строки 11-12); а сочетание *pavasari švenčiam* (ib., строка 93) соответствует *vasarą švenčia* в строке 308, ср. также в следующей части строки 1 и 4. В первых двух строках части “*Vasaros darbai*” (“Работы лета”) в потоке поэтических повторов и аллитераций оба термина для этих двух времен года объединяются. В западно-балтийском было введено новое слово в значении «лето»: др.-прусс. *dagis* (= нем. “Sommer” в словаре Эльбинга), родственное

корню др.-инд. *ni-dāgha-* “лето”. От него образованы словосложения др.-прусс. *dag-o-gaydis* “овес, который сеют весной” и *dag-o-aug-is* “весенний росток”, соответствующие приведенным выше литовским и латышским производным от *vasara*. В то же время в западно-балтийском сохранилось два элемента из реконструируемой трехчленной индоевропейской системы названий времен года: др.-прусс. *assanis* “осень” (потеряно в восточно-балтийском) и *seto* “зима” (= лит. *žiema*). Частично сходная трансформация старой системы с введением новых названий для «лета» может быть предположена в др.-греческом (*ἔρος* “лето”), латыни (*aestas* “лето”, вызвавшее радикальное изменение всей системы, потому что также было введено новое слово для «осени» *au-tumnu-s* возможно этрусского происхождения, ср. типологически сходное изменение терминов для «лета» и «осени» в древнеиндийском) и славянском (**lěto*). Согласно истолкованию тохар. Б *ṣmāy[i] meñi* как “летние месяцы” в тохарском Б прилагательное *ṣmāye* было образовано от существительного *ṣmiye* или *ṣamo* “лето”, родственного тохар. А *ṣme* “лето” (Schmidt 1994, p. 280; Adams 1999, p. 668) и названиям «лета» в большой группе индоевропейских диалектов: др.-армянск. *amañ* “лето” (ср. *am* “год” и типологическое сходство с употреблением термина для «лета» в значении «год» в славянском), авестийск. *ham*, герм. (англ. *summer*, нем. *Sommer* и соответствующие слова древнегерманских языков) и кельтские названия «лета» (др.-ирл. *sam*). Хотя эта основа засвидетельствована не только в тохарском, но и в части западно-индоевропейской области (кельтский и германский) и в некоторых восточно-индоевропейских диалектах (иранском, древнеармянском), тем не менее она не представлена в других языках и поэтому ее нельзя восстановить для общеиндоевропейского. Возможно, что она имела в индо-арийском, т.к. родственная ей основа *sam-ā* вероятно в нем означала «половину года», «лето» кроме обычного «год». Повидимому это слово было изоглоссой, характерной для некоторых индоевропейских диалектов. Когда появилось это нововведение, древняя трехчленная система была преобразована в четырехчленную. После этой перемены если старый термин для весны, раннего лета и сохранялся, то в нем продолжалась только первая часть исходного двойного значения..

В реконструируемом индоевропейском (индо-хеттском) праязыке имена времен года принадлежали к гетероклитическому типу с чередованием основ на *-r-* и на *-n-*. В тохарском, как и в рассмотренном выше слове для «весны», только основа на *-r-* сохраняется в слове для «зимы»: тох. Б *ṣimpriye* “зима”, *ṣimprāye* “зимний”, тох. А *ṣārme* “зима” < **ṣām(ā)rāi-*, ср. основу др.-греч. *χείμερινος* “зимний”, др.-армянск. *jmeñ* “зима”, лат. *hibernus*¹.

¹ Можно было бы предположить, что хетт. *gimm-ant-ariya-* “зимовать” содержит след сопоставимого образования на *-r-* от индоевропейского названия «зимы». Но предполагается, что форма явилась новообразованием вместо *giman-iyā-* от основы на *-n-* (Riecken 1999, p. 77), тождественной др.-греч. *χειμα, χειμών*, албан. *dimër/ dimën*, др.-инд. *hem-an*. Однако если именная основа **gimm-ar-* гетероклитического имени существовала в дописьменный период истории древнехеттского языка, глагол *gimar-iyā-* мог быть от нее образован по типу *pangariya-* “увеличиваться в количестве. умножаться”, “возрастать” от *pangar(i)-*, *ṣuppa-r-iyā* “спать” от **ṣuppar-* “сон” (Riecken 1999, S. 305, Fn. 1468). Позднее, когда *gimm-ant-* (=др.-инд. *hem-anta-*, существенная поздняя хетто-ино-арийская изоглосса того же типа, что и др.-инд. *vas-anta-* = хетт.

В свете исследований о собирательных формах имени в индоевропейском можно предположить морфонологическую разницу двух основ с разным местом ударения (тона) и различием по аблауту корня и суффикса **e/or*: I ** wesH-з* “весна/ (раннее лето)= растение этой поры года” (протерокинетическое несобирательное существительное с полной ступенью гласного корня и нулевой суффикса): II ** usH-ē/ōr* “масса вещей, связанных с весной/ летом”; «множество частей или плодов растения этой поры года» (гистерокинетическое собирательное существительное с нулевой ступенью огласовки корня и продленной ступенью гласного суффикса). Тох.А *wsār* “куча (яровых зерен)” структурно тождественно А *ysār* “кровь”, Б *yasar*, А *ytār* “путь, дорога” (хетт. *i-tar* “хождение”, лат. *iter* “дорога”). От последней основы образовано тох.Б *ytār-ye* способом, напоминающим соотношение тох.А *wsār* “куча (зерен)” и тох. Б *ysāre* “пшеница”. Поскольку тохарские слова восходят к индоевропейским собирательным формам, можно восстановить для такой формы исходное значение “множество вещей/ растений, относящихся к весне (раннему лету)”>”множество яровых злаков”.

В уральском находятся соответствия не только рассмотренным названиям «весны, весеннего растения», но и некоторым другим индоевропейским названиям времен года. Уральск. **kes&* “лето” (сохранившееся в финском, саами и мордовском) родственно² хетт. *zen-(anta)-* “осень”(возможно древнее атематическое «корневое» существительное), дат.-местн.пад. *zen-i* (морфологически тождествен др.-русс. *осен-и* в древненовгородской летописи, диалектн. польск *yeśien-i*, старо-сербск. *jesen-i*, словенск. *jesen-i*; в славянском это мог быть древний локатив с нулевым окончанием = Casus Indefinitus основы на *-*i*). Последняя хеттская форма истолкована как принадлежащая парадигме склонения тематической основы на *-a-* : им. пад. ед.ч. одуш. р.*zen-a-š*, род.пад. *zen-a-š*, ср. также вторичную (относительно более позднюю) основу с суффиксом *-anta-* , в хеттском и санскрите образующим названия временных интервалов: им. пад. ед.ч. одуш.р. *zen-anza [zenant-s]*, род.пад. *zen-ant-a-š*, дат.-мест. пад. *zen-ant-i*. Внутри анатолийского сев.-анат. *zen-* сопоставляется с ю. –анат. ликийск. **-šñni-* в качестве второй части словосложения, где этой основе предшествует числительное: *kbi-šñni* “дву-годовалый/имеющий возраст в две осени(?)”, *tri- šñni* “трехгодовалый/ имеющий возраст в три осени(?)” (ср. типологически с.-анат. хетт. *tri-yuga-* “трехлетний”, где *yuga*= др.-инд. *yuga-* «период времени»); если это основа на **-i-* , то, согласно этой (пока что спорной) этимологии ее можно сравнить с такими же производными формами в западно-балтийском и славянском (русск.

hameš ha-nta-) стало главным хеттским названием «зимы», образовалась новая контаминированная основа производного глагола *gimm-ant-ariya-* (см. о позднем характере этой комбинации суффиксов: Starke 1990, 383-384; Riecken 1999, S. 276 , Fn. 1308). Промежуточная именная основа **gimm-ant-ar(i)-* возможна (ср. Puhvel 1997, p.147, с библиографией), но она могла быть замещением предшествовавшего **gimm-ar-*.

² Предположение финно-мордовского заимствования из индоевропейского (Koivulehto 1999, p. 303, N 19) основано только на предпочтении объяснений через заимствования. Сохранение слова только в западных ветвях уральского может объясняться наличием другого индо-уральского названия «лета» в восточно-уральском, ср. Ъор 1974, pp.106-107.

осенний).. Хетт. *zen-* восходит к основе на-*n-* гетероклитического имени существительного, отраженного в др.-армянском им. пад. *ašun~* род.пад *ašnan~* творит. пад *ašnamb* “осень” и в родственной (западно-) балто-славяно-германской изоглоссе: др.-прусск. *assanis* (=“Herbist” в словаре Эльбинга)- о.-слав. **jesenĩ-* (русск. *осень*)- готск. *asans* «лето (=ϑερος), время сбора урожая (=θερισμός)». Соответствующая основа гетероклитического имени на-*r* была сохранена в сложном слове *οπώρ-α* (ионийск. -η) “часть года между концом июля (=восход Сириуса) и первой частью сентября (восход созвездия Арктур); конец лета (в «Одиссее»); осень, осенние плоды (в более поздних текстах)” < **op-(H)osar-* “после лета; aestas quae sequitur”.

Две морфонологические особенности этого слова могут объясняться присутствием ларингального, который может быть восстановлен на основе уральского соответствия.. В начале слова есть загадочное различие между зап.- и ю.-слав. **je-* < **e-* и *o* - ~ *ω*- [ō-] (особый тип гласного под восходящим ударением) в восточнославянском: *осень*, новгородский договор 1265 г.; *осень*, древненовгородская летопись. Праславянское ударение восстанавливается на первом слоге (акцентная парадигма *с* в системе В.А.Дыбо), но в русском языке ударение таких производных, как прилагательное *осен'ний* (уже в древнерусском), как будто указывает на конечное ударение в исходной основе..Гласная фонема, сходная с восточно-славянской, обнаруживается и в западно-балтийском. Индоевропейская начальная гласная **e/o-* обычно восстанавливается в этом слове в германском (и в армянском, но ср. ниже о другой возможности объяснения), но отсутствует в хеттском. Для хеттского и возможно для одного из вариантов славянской формы (в древненовгородском) можно реконструировать состояние II основы (**Hs-én*)³, противопоставленное основе I **Hé/ós-r/-n*.

Загадочно также и положение сибиланта в корне между двумя фонемами, одна из которых по уральским материалам реконструируется как ларингальный. Эта синтагматическая особенность может объяснить изменение сибиланта и в хеттском, и в армянском. В обоих языках развитие **-s-* в этом слове не вполне обычно. Соответствие **Hs->* хетт. *z-*: др.-армян. *aš-* могло бы объясняться воздействием ларингального, в хеттском позднее исчезнувшего. Древнеармянская загадочная форма может содержать протетический гласный как нормальный след исчезнувшего ларингального. Соотношение древнеармянской формы с хеттской напоминает пары типа др.-армян. *anin* “имя”: хетт. *laman*. Разгадку дает отражение ларингального в уральском.

Если ностратические соответствия фонемных структур позволяют уточнить пути развития индоевропейских названий времен года, то еще больший интерес представляют семантические изменения. Наблюдаемые на переходе от ностратического к индо-хеттскому и индоевропейскому и к истории отдельных

³ В древненовгородском есть исключительный случай потери начального гласного (берестяная грамота 724 (1161-1167 г.) *до сени*= *до осени*, ср. хетт. *zeni*??

диалектов. Такие сдвиги, как преобразование трехчленной системы времен года в четырехчленную, могли быть связаны со сменой экологических и географических условий в результате миграций. В этом отношении выводы внутреннего лингвистического исследования лексики окажутся полезными для решения ключевых проблем внешней лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

- Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, Вяч.Вс. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. ТТ. I-II. Тбилиси, 1984..
- Иллич-Свитыч, В.М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков.-*Этимология.1965*. М.:Наука,1967.
- Иллич-Свитыч, В.М. *Опыт сравнения ностратических языков*. II. Сравнительный словарь. М.: Наука, 1976
- Adams, Douglas Q. *A Dictionary of Tocharian B*. Leiden Studies in Indo-European 10, ed. R.S.P. Beekes, A.Lubotsky, J.J.S. Weitenberg. Amsterdam- Atlanta, GA: Rodopi, 1999.
- Џоп 1974 - Џоп, Bojan. *Indouralica I*. Slovenska Akademija Znanosti in Umetnosti, Razred za filološke in literarne vede. Dela 30/1. Ljubljana, 1974.
- Donelaitis, Kristijonas. *Metai/Pory roku*. Z litewskiego przetłumaczył Zygmunt Ławrynowicz. Olsztyn-Białystok: Pojezierze, 1982.
- Hoffner, Harry A. *Alimenta Hethaeorum*. Food Production in Hittite Asia Minor. American Oriental Series. New Haven, Connecticut: American Oriental Society, 1974.
- Ivanov, Vyacheslav V. On the Origin of Tocharian Terms for Grain.- *Werner Winter-Festschrift on the Occasion of his 80th Birthday*. Ed. B.L.Bauer, G.L.Pinaut. Berlin/New York: Mouton-de Gruyter, 2003.
- Puhvel, Jaan *Hittite Etymological Dictionary*. Vol.1. Words beginning with A. Vol.2. Words beginning with E and I; Vol. 3. Words beginning with H. Vol. 4. Words beginning with K. Trends in Linguistics. Ed. Werner Winter. Berlin: Mouton – de Gruyter, 1984; 1991, 1997.
- Riecken, Elisabeth. *Untersuchungen zur nominalen Stammbildung des Hethitischen*. Studien zu den Boğazköy- Texten. Hft 44. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999.
- Schmidt, Klaus T. Zur Erforschung der Tocharischen Literatur.- *Akten der Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Berlin, September 1990*, ed. B. Schlerath. Tocharian and Indo-European Studies, Supplementary Series, 4, 1994, 239-283.